
ЗИМНИЕ
СКАЗКИ
НИКА СВЕТЛОВА

Ника Светлова
Зимние сказки

https://litres.ru/74800787
SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогой читатель, не проходи мимо этой книжки! Сказки понравятся не только детям. В этих коротких историях столько тепла, мудрости и лёгкой магии, что не только ребёнок, даже взрослый невольно задержится на странице, чтобы ещё раз перечитать и улыбнуться. Это тот редкий случай, когда сказка не теряет своей силы с годами, она просто раскрывается по-новому, в зависимости от того, сколько тебе лет.

Содержание

Зайчик,	5
Мороз-художник	11
Проверка Деда Мороза, или то, что не умещается в мешок	14
Зимний колокольчик	18
Снежный фонарщик и его подмастерье Светозар	21
Серебристая звездочка	26
Сказка о Деве и Северном Ветре	31
Сказка	35
Снежная пряжа	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ника Светлова
Зимние сказки

Зайчик,
Мышонок, хитрый
Лис и Злая Метель

Жили-были в одном лесу Зайчик и Мышонок - друзья, не разлей вода. Зайчик длинноухий, пугливый, но добрый. Мышонок маленький, серенький, но храбрый, втрое храбрее, чем казался.

А неподалёку жил Лис. Хитрый-прехитрый. Всегда голодный, всегда с ласковой улыбкой, всегда с какой-нибудь выдумкой.

Наступила зима и в лес пожаловала Метель. Злая. Не просто холодная, а сердитая. Она ненавидела всё живое, что бегает, прыгает и радуется. Особенно маленьких. Особенно зимой.

Однажды Метель налетела на лес и завыла:

— У-у-у! Всех засыплю! Всех заморожу! Никто не спрячется!

Зайчик сидел в норке и дрожал. Мышонок сидел рядом и думал.

— Надо к Лису идти, — сказал вдруг Мышонок.

— К Лису?! — ахнул Зайчик. — Он же нас съест!

— Может, съест. А может, и нет. Он хитрый и умный. Вместе мы сможем придумать, как остановить Метель. Идём.

Лис лежал в своей норе, сытый и довольный. Он успел запастись ещё до бури. Увидел гостей, прищурился.

— О-о-о, — протянул он. — Зайчик, Мышонок. Сами пришли! Как удобно.

— Мы к тебе по делу, — сказал Мышонок, не отступая.

— По делу? — Лис облизнулся. — Ну говори.

— Метель злится. Она всех заморозит. И тебя тоже. Ты, конечно, хитрый, но от ветра хитростью не спрячешься.

Лис задумался. Это была правда. Он это ненавидел, когда кто-то говорил правду.

— И что ты предлагаешь?

— Ты хитрый. Зайчик быстрый. Я маленький, пролезу везде. Вместе мы Метель перехитрим.

Лис посмотрел на зверят.

— А если я вас съем? — спросил Лис.

— Тогда тебе придётся одному разбираться с Метелью, — сказал Мышонок. — А она, знаешь, сразу замораживает.

Лис вздохнул. Логика была железная. Он это тоже ненавидел.

Долго думали они втроём. И придумали.

Метель любила выть. Она выла и гордилась этим. И ещё она любила, когда её боятся.

— Значит, бояться не будем, — сказал Мышонок.

— Легко тебе говорить, — пробурчал Зайчик.

— А мы не по-настоящему. Мы понарошку. Лис будет хвалить Метель. Громко. Долго. Она заслушается и забудет выть. А мы тем временем…

— Тем временем я вырою ход, — сказал Зайчик. — Я быстро рою.

— А я пролезу в её логово и развяжу все узлы, которыми

она ветер держит, — сказал Мышонок. — Если узлы развязать, ветер разлетится. И Метель станет просто снегом.

Лис посмотрел на Мышонка с уважением. Потом на Зайчика.

— А я, значит, буду хвалить.

— Ты лучше всех умеешь говорить то, чего не думаешь, — сказал Мышонок.

Лис хотел обидеться, но не смог. Это был комплимент.

Так и сделали.

Лис вышел на поляну, где гуляла Метель, и завёл:

— Ох, какая ты красивая! Ох, какая ты сильная! Никто тебя не победит! Спой ещё, спой!

Метель удивилась. Её никто никогда не хвалил. Она завыла громче, потом ещё громче, потом совсем громко и заслушалась сама себя.

А в это время Зайчик рыл ход. Быстро-быстро. Лапами, носом, ушами. Земля летела в стороны.

А Мышонок пробрался в логово Метели. Там висели узлы. Много узлов. Он стал их развязывать, один за другим, зубами и лапками.

Первый узел — ветер ослаб.

Второй — снег стал мягче.

Третий — Метель замолчала.

Она посмотрела на Лиса. Потом на небо.

— Что… что случилось? — спросила она. Голос у неё был уже не злой, а растерянный. — Почему мне… не хочется

выть?

Лис улыбнулся.

— Потому что тебя похвалили. В первый раз. Это всё меняет.

Метель стала просто мягким, пушистым снегом. Она легла на лес, на норки, на крыши и никого не заморозила.

Зайчик вылез из хода, Мышонок вылез из логова. Усталые, но довольные. Лис стоял на поляне и смотрел на них.

— Ну что, — сказал он. — Есть я вас всё-таки не буду.

— Почему? — спросил Зайчик.

— Потому что с вами интереснее, чем без вас, — сказал Лис и отвернулся, чтобы никто не видел, что он улыбается.

Вечером они сидели втроём в норке Зайчика. Пили чай с сушёными ягодами. Мышонок рассказывал, как развязывал узлы. Зайчик, как копал. Лис молчал, но не уходил.

За окном шёл тихий снег.

— А Метель вернётся? — спросил Зайчик.

— Вернётся, — сказал Мышонок. — Но уже не такая. Её один раз похвалили. Это не забывается.

Лис кивнул.

— Знаете, — сказал он вдруг, — я всю жизнь думал, что быть хитрым — это значит всех обманывать. А оказывается, можно быть хитрым и помочь.

— Можно, — сказал Мышонок. — Ты справился.

— Справился, — согласился Лис.

И они уснули все трое. В одной норке. Заяц, мышонок и

лис. И никто никого не съел.

Мороз-художник

Мороз-художник любил рисовать на реке. Каждую ночь выходил на лёд и водил по нему ледяной кистью. Выводил

города с башнями, птиц с распахнутыми крыльями, цветы, каких не бывает зимой. Целые истории. Целые миры.

Но к утру всё засыпало снегом. Люди шли по своим делам, не сворачивая к реке. Мороз сидел на берегу и грустил.

— Никто не видит, — сказал он Зиме. — Я рисую, стараюсь, а всё впустую. Снег всё прячет.

Зима посмотрела на него, потом на город, на его тёмные окна, за которыми спали люди.

— А ты разрисуй окна, — сказала она. — Вон их сколько. И все стеклянные. И все ждут.

Мороз задумался. Окна? Это же чужое. Хрупкое. Разве можно?

— Можно, — сказала Зима, словно услышала.

И он пошёл. Ночью, когда город спал. Подходил к каждому окну и дышал. Долго, медленно, с любовью. Стекло запотевало, и на нём проступали узоры. Сначала простые — веточки и звёздочки. Потом сложнее — леса, реки, города с башнями. Где-то он рисовал ангела. Где-то спящего кота. Где-то просто кружево, чтобы было красиво.

Он работал всю ночь. Не отдыхал ни минуты. И к утру весь город был разрисован, от первого этажа до последнего.

Люди проснулись и ахнули.

— Какая красота! — восхищались горожане.

Мороз стоял на краю города, уставший, счастливый, и смотрел, как в каждом окне светятся его картины. Наконец-то его увидели.

С тех пор каждую зиму Мороз-художник устраивает свою персональную выставку. Только афиш не расклеивает. Просто приходит ночью и рисует. А люди утром просыпаются и идут смотреть. Без билетов. Без очередей. Просто подходят к окну и замирают.

Потому что красота, если она настоящая, сама найдёт способ, чтобы её увидели.

Проверка Деда Мороза, или то, что не умещается в мешок

Дед Мороз объелся мороженым. Прямо перед Новым годом. Сам виноват, конечно, попробовал у детей одно, потом второе, потом ещё одно, и вот уже сидит на печи, держится за горло и кашляет.

— Не дойду я, внучка, — просипел он. — Ты уж одна как-нибудь.

— Как одна?! — всплеснула руками Снегурочка. — Там дети! Там ёлки! Там целый город!

— Вот и я говорю, целый город…

И она пошла. Одна. С мешком, который был тяжелее её самой. С валенками, которые натирали. С носом, который покраснел не от мороза, а от слёз.

Первый подъезд. Первая дверь. Мальчик лет шести открыл и посмотрел на неё снизу вверх.

— А ты кто?

— Я... — Снегурочка замялась. — Я Снегурочка.

— А где Дед Мороз?

— Он... объелся мороженым. И теперь кашляет.

Мальчик нахмурился, потом взял её за руку и потянул в квартиру.

— Тогда ты садись. И чай пей. А то у тебя руки холодные.

Она села. Выпила чай. Рассказала стишок вместо деда. Мальчик подарил ей конфету. И она пошла дальше, чувствуя, что мешок стал легче.

Во втором доме девочка спросила, умеет ли она летать.

Снегурочка честно сказала, что нет. Девочка кивнула: «Ну и ладно. Пешком тоже хорошо».

В третьем — бабушка накормила пирожками. В четвёртом — кто-то подарил шарф. В пятом — просто обняли.

К утру она вернулась в терем. Без голоса, без сил, но с полным сердцем. Дед Мороз сидел на печи, пил чай с лимоном и улыбался.

— Ну что, внучка? Тяжело одной?

— Нет, совсем не тяжело, — сказала Снегурочка и удивилась, потому что это была правда. — Но с тобой лучше.

Дед Мороз закашлялся, потом посмотрел на неё и сказал хрипло:

— Знаешь, я ведь всю жизнь думал, что болеть мне нельзя. Что если я слягу, то всё, Новый год не состоится. А оказывается, можно. Оказывается, ты справишься.

— Справлюсь, — кивнула Снегурочка. — Но ты всё равно выздоравливай. Мороженое в следующий раз будем есть вместе. По одному.

— По одному, — согласился Дед Мороз.

Она уснула прямо там, в кроватке, не сняв шарф, который ей подарили. Уставшая, с красным носом, с конфетой, зажатой в кулаке.

Дед Мороз посмотрел на спящую Снегурочку и подумал: «Выросла. И можно уже болеть спокойно. Хотя бы иногда».

За окном шёл снег. Где-то там, в городе, спали дети. И у каждого под подушкой лежало что-то маленькое, тёплое, что

не умещалось в мешок.

Зимний колокольчик

Осень задержалась. Листья давно облетели, а снег не шёл. Медведь Потап ворочался в берлоге, не спалось ему.

— Без снега какая зима? Где она?

Маша прибежала с фонариком и шарфом.

— Потап, пойдём искать!

Медведь фыркнул, вылез. Пошли в лес. Встретили Зайца. Сидит, дрожит. Замерз косой, а спрятаться негде.

— Зиму не видел? — спросила Маша.

— Слышал, она у Снежной горы, — Заяц шепнул. — Колокольчик волшебный потеряла. Без него снег не позвать.

Дошли до Снежной горы.

Смотрят, сидит Зима на пеньке, чуть не плачет.

— Нашлась! — Потап обрадовался. — Чего сидишь?

— Колокольчик потеряла. А без него снег не идёт.

Маша пошарила в кармане. Достала маленький бубенчик, она его еще летом на тропинке нашла.

— Этот?

Зима ахнула, подбросила. Бубенчик звякнул, и с неба посыпались снежинки. Всё побелело. Заяц запрыгал. Потап зевнул, потянулся:

— Теперь можно спать.

Маша слепила снеговика, посадила на него бубенчик. Пусть сторожит зиму, чтобы не потерялась.

Утром медведь уснул в берлоге. И снилось ему, что он катает Машу на санях по лесу. Самому сказочному лесу на свете!

Прошла неделя, а снег всё шёл и шёл, будто Зима решила наверстать упущенное. Лес нарядился в пушистые шубы,

тропинки спрятались под белым одеялом, и даже колючий кустарник стал похож на сказочного зверя в меховой накидке.

Потап спал крепким сном в своей берлоге без задних лап, теперь-то он знал, что зима никуда не денется, ведь снеговик с бубенчиком стоит на страже.

А Маша каждый день бегала к Снежной горе. Зима улыбалась и звала её пить горячий чай из самовара, который грелся на угольной печурке в её ледяном домике.

— Знаешь, — говорила Зима, помешивая ложечкой сахар, — раньше я всегда теряла колокольчик. И каждый раз кто-нибудь да помогал его найти. То белка, то лисичка, а теперь вот ты с Потапом.

Маша смеялась:

— Значит, надо всем помогать искать зиму. Вдруг где-то ещё кто-то грустит без снега?

Зима кивала и тихонько звенела бубенчиком, и тут же с еловых лап сыпались новые хлопья, будто лес шептал: «Спасибо, что не дали зиме потеряться».

Снежный фонарщик и его подмастерье Светозар

В одном маленьком городке, затерянном среди еловых ле-

сов, зима всегда была особенной. Снег там ложился пушистым, словно взбитые сливки, и искрился так, будто кто-то рассыпал по улицам миллионы алмазов, но главное чудо было не в снеге.

В этом городке жил старый мастер Эрик — последний Снежный фонарщик. Каждый вечер, когда сумерки окрашивали небо в густой синий цвет, он надевал тулуп, брал длинную палку с крючком и выходил на улицу. Но зажигал он не уличные фонари. Он зажигал снежинки-звёзды.

А помогал ему мальчик по имени Светозар. Его имя означало «тот, кто озаряет светом». Светозар был подмастерьем Снежного фонарщика. Старик учил его всему: как бережно снимать хрустальные цветы с Волшебного Дерева, как нести их, не расплескав внутреннего тепла, как зажигать главный фонарь на площади ровно в сумерки, ни раньше, ни позже.

На самом краю города росло то самое дерево. Зимой на его ветвях вместо листьев распускались хрустальные цветы. Эрик и Светозар снимали их крючком и осторожно несли на главную площадь. Там стоял огромный старый фонарь. Когда хрустальный цветок оказывался внутри, фонарь вспыхивал мягким тёплым светом. И начиналось волшебство. Свет поднимался к облакам, и с неба падали снежинки. Но они были не обычные, каждая несла крошечную искорку радости. Пролетая над домами, они заглядывали в окна, и если кто-то плакал, снежинка таяла на стекле, оставляя узор, похожий на улыбку. Если кто-то ссорился, она тихонько звене-

ла, и люди невольно замолкали, прислушиваясь к тишине.

В тот год зима выдалась особенно суровой. Метель завывала так, что заносила дороги, а солнце не показывалось неделями. Люди начали хандрить, взрослые хмурились, дети капризничали, даже собаки перестали радостно вилять хвостами. И тут заболел старый Эрик. Он лежал в своей избушке, укрытый лоскутным одеялом, и с тоской смотрел на тёмный фонарь за окном.

— Светозар, — прошептал он. — Сегодня ты должен зажечь фонарь сам. Я уже не смогу.

Мальчик испугался:

— Но, учитель, я ещё ни разу не делал этого без вас! А метель замела все тропы к Волшебному Дереву. И цветок такой хрупкий, его нельзя уронить, нельзя сжать слишком крепко, нельзя дать ему остыть.

— Я учил тебя не зря, — улыбнулся Эрик. — Помни, волшебство не в крючке и не в фонаре. Оно в сердце того, кто готов подарить свет другим. Иди, Светозар. Только не забудь согреть цветок своим дыханием, когда сорвёшь.

Светозар надел валенки, тёплую шубку, повязал шарф и вышел в ночь. Ветер толкал его в спину, снег слепил глаза, но он шёл вперёд, вспоминая всё, чему научил его старый мастер. Он пробирался через сугробы, цеплялся за ветки, но не сдавался. Наконец впереди показалось Волшебное Дерево. Оно стояло, укрытое снегом, и один хрустальный цветок ярко светился в темноте, словно звал его.

Светозар протянул руку и очень бережно сорвал его. Цветок был тёплым, словно живое сердечко. Мальчик спрятал его за пазуху, согрел дыханием и побежал обратно. Дорога назад показалась легче, словно сам ветер помогал ему, подталкивая в спину.

Запыхавшийся, но счастливый, он вбежал на площадь. Фонарь стоял тёмный и холодный. Светозар открыл дверцу и осторожно поместил хрустальный цветок внутрь.

В ту же секунду фонарь вспыхнул! Свет был ярким, как тысяча солнц. Он ударил в небо, пробил тучи, и оттуда посыпался снег. Но это были не просто снежинки. Это были снежинки-звёзды. Они кружились в воздухе, опускались на крыши, на плечи прохожих, на носы удивлённых детей. И с каждым прикосновением снежинки в городке становилось теплее. Хмурые лица разглаживались, в окнах загорался свет, слышался смех.

Светозар вернулся к Эрику. Старик уже сидел на кровати и улыбался.

— Я знал, что ты справишься, — сказал он. — Теперь ты не просто подмастерье, Светозар. Ты настоящий хранитель зимнего света. Ведь волшебство не в хрустале и не в палке с крючком. Оно в сердце того, кто готов подарить свет другим.

С тех пор Светозар сам зажигал главный фонарь, а старый Эрик сидел у окна и смотрел, как над городком кружатся снежинки-звёзды. И каждую зиму жители спешили на площадь, чтобы поймать в ладони снежинку, которая обязатель-

но приносила удачу.

А если ты когда-нибудь окажешься в том городке зимой, обязательно поймай снежинку. Может быть, это будет одна из тех самых звёзд, что зажёг подмастерье Снежного фонарщика по имени Светозар. И она исполнит твоё самое заветное желание.

Серебристая звездочка

В якутском селе, затерянном среди бескрайней тундры, жил мальчик по имени Кэскил. Ему было восемь лет, и он,

как все дети Севера, умел читать следы на снегу и с раннего детства слышал легенды о том, что небо живое. Старики говорили, что когда духи предков танцуют, над землёй загораются разноцветные огни. Но Кэскил ни разу их не видел, зима выдалась пасмурной, небо неделями было затянуто низкими облаками.

Однажды вечером, накануне самого короткого дня в году, мальчик так устал, что едва допил чай с молоком и забрался на лежанку у печки. Мама укрыла его одеялом из оленьей шкуры и тихо запела колыбельную. Кэскил закрыл глаза и сразу провалился в глубокий сон.

И приснился ему олень. Огромный, с рогами, которые светились мягким серебряным светом. Из ноздрей вырывались облачка пара, похожие на маленькие звёздочки, а копыта оставляли на снегу следы, вспыхивавшие и гаснувшие, как искры.

— Кэскил, — сказал олень голосом, похожим на хруст свежего снега. — Вставай. Сегодня та самая ночь.

— Какая ночь? — спросил мальчик.

— Ночь, когда небо открывает свои тайны. Садись мне на спину.

Кэскил забрался на тёплую спину оленя, и они помчались. Ветер свистел в ушах, снежинки кололи щёки, но мальчику было не страшно, только радостно. Они летели над заснеженными полями, над чёрными елями, над замёрзшей рекой, блестевшей, как стеклянная лента.

Олень остановился на вершине ледяной сопки, откуда открывался вид на бескрайнюю тундру. Небо было чёрным-чёрным, и звёзды казались такими близкими, что до них можно было дотянуться рукой.

— Смотри, — тихо сказал олень.

По небу прокатилась волна зелёного света. Она изогнулась, как шёлковая лента, и рассыпалась тысячами искр. За ней пришла розовая, потом золотая, потом снова зелёная и всё это переливалось, танцевало и дышало.

Кэскил замер. Ему показалось, что он слышит тихую музыку, будто кто-то играет на стеклянных колокольчиках. А снег под ногами загорался ответными огоньками, словно земля перемигивалась с небом.

— Люмэн, — прошептал мальчик, почему-то зная имя оленя. — А почему оно появляется?

— Люди говорят, что это солнечный ветер встречается с воздухом Земли, — ответил олень. — Но на самом деле это звёзды вспоминают о тех, кто их любит. Каждый раз, когда кто-то смотрит на небо с восхищением, звёзды зажигаются ярче. Сегодня ты смотрел очень внимательно, и они устроили для тебя праздник.

Кэскил улыбнулся и прижался к тёплой шее оленя. Они стояли так долго, пока сияние не начало бледнеть, уступая место рассвету.

— Мне пора, — сказал Люмэн. — Но запомни, теперь ты знаешь секрет. В следующий раз, когда тебе будет грустно,

просто выйди на улицу и посмотри вверх. Звёзды обязательно ответят.

Олень умчался в сторону леса, и его серебристые рога растворились в утреннем тумане.

Кэскил проснулся от того, что мама легонько трясла его за плечо:

— Вставай, соня. Солнце уже встало.

Мальчик сел на лежанке и потёр глаза. Сон был таким ярким, таким настоящим! Он помнил каждую деталь. И серебристые рога, и голос оленя, и разноцветные ленты в небе. Но больше всего его удивило другое. На валенках, стоявших у печки, таяли снежинки, но ведь он никуда не выходил ночью.

Кэскил выбежал на улицу. Утро было морозным и ясным. На снегу перед домом виднелись большие, раздвоенные оленьи следы. Они вели от крыльца к полю и дальше, к лесу. И рядом с ними маленькие следы валенок. Его валенок.

Мальчик присел на корточки и потрогал снег. На самом краю следа блестела маленькая серебристая звёздочка.

Кэскил поднял звёздочку, зажал в кулаке и долго смотрел на небо. Оно было голубым и чистым, но где-то далеко, у самого горизонта, ещё дрожала тонкая зелёная полоска, будто небо прощалось с ним до следующей ночи.

С тех пор мальчик знал, то, что случилось ночью, не было сном. Олень приходил за ним по-настоящему. И звёзды действительно помнят тех, кто смотрит на них с любовью.

Он вернулся домой, спрятал серебристую звёздочку в ма-

ленький мешочек из оленьей кожи и повесил его на шею. А вечером снова вышел во двор, посмотрел на небо и тихо сказал:

— Спасибо, Люмэн. Я тебя не забуду.

И где-то далеко, над самыми высокими елями, вспыхнула и погасла зелёная искра.

Сказка о Деве и Северном Ветре

В северной деревне, где дома жмутся друг к другу, жила Арина. Все звали её Девой, потому что она родилась в по-

следний день августа.

Соседи шептались: «Странная. Всё у неё по линеечке». И правда, дрова у Арины лежали не абы как, а аккуратно, поленьями к поленьям. Тарелки стояли на полке донышками наружу, чтобы пыль не скапливалась.

Когда у кого-то ломалась дверь или рассыхался стол, шли к Арине. Она молча чинила, потому что умела слышать, как стонет дерево, и не умела говорить «нет».

В тот год зима затянулась. Циклон застрял над горами. Люди ругались на холод, топили печи и кутались в шерстяные шали.

И вот однажды вечером, когда Арина штопала старый отцовский свитер, в дверь постучали.

Девушка открыла.

На пороге стоял высокий , седой мужчина с глазами прозрачными, как лёд на реке в марте. Одет плохо. Куртка висела клочьями, а из-под неё торчала подкладка.

— Я замёрз, — сказал он устало. — Пустишь?

Она могла бы спросить, кто он. Но Арина посмотрела на его трясущиеся руки и просто шагнула в сторону.

Она напоила его чаем с облепихой. Поставила ему свои лучшие валенки, которые берегла. А когда он всё равно дрожал, она сказала:

— Давай куртку. Я зашью.

Он снял её, и Арина ахнула. Куртка была не просто рваная. Она была разодрана в клочья, будто её протащили через

колючую проволоку. Взяла и отдернула руку. Ткань казалась обычной, но ледяные иглы били изнутри.

Она села у лампы. Вдела самую крепкую нитку. И начала штопать.

Иголка входила в ткань тяжело, будто шить приходилось против ветра.

— Зачем ты так далеко ходил? — спросила она, не глядя.

— Работа такая, — ответил он тихо. — Ветер гоняю.

Она фыркнула.

— Врёшь.

— А ты проверь.

Она подняла глаза. Он смотрел на неё странно, как человек, который давно не встречал того, кто не боится его взгляда.

Арина принялась за работу, зашивала одну дыру за другой. И чем дальше, тем её руки двигались спокойнее.

К утру куртка была готова. Швы вышли неровными, но очень крепкими.

Незнакомец надел её. Встал. И улыбнулся:

— Я — Северный Ветер. Спасибо за твою заботу и доброту, — сказал он. — Сколько я должен?

Арина хотела сказать: «ничего», как всегда. Но вдруг произнесла:

— Забери с собой эту зиму, — сказала она. — Мы все устали. Пусть в каждом доме снова будет тепло.

Северный Ветер рассмеялся.

— Тепло не в моей власти. Но я уйду, и весна придёт быстрее. А тебе я оставлю другое.

Он сорвал с плаща одну серебряную нить и протянул Деве.

— Она никогда не порвётся. Вдевай её в иглу и шей. Всё, что будет сшито этой нитью, станет прочным и верным.

Ветер ушёл, унося с собой стужу. Через три дня пришла весна. Снега растаяли, и на проталинах показались первые ростки.

А Дева стала хранительницей серебряной нити. Она шила распоротые края, чинила прорехи между сердцами, сшивала дружбы, треснувшие от обид, и семьи, разошедшиеся по швам. Всё к чему прикасалась её рука с той нитью обретало крепость. В её руках всё вставало на свои места.

Сказка
об украденной зиме

В далёкой северной стороне, где сосны носят снежные

шапки, а звёзды зимой танцуют в небе, жила Снегурочка — внучка Деда Мороза. У неё был волшебный платок, сотканный из первых снежинок зимы. Стоило Снегурочке встряхнуть его — и на землю опускался пушистый снег, реки сковывал лёд, а в воздухе появлялся хрустальный морозец.

Вот и настало долгожданное время зимы. Снегурочка с улыбкой подошла к резному ларцу из вековой ели, где всегда лежал её волшебный платок. Она провела рукой по нему, ощущая под пальцами шероховатую резьбу в виде спящих оленей и сплетённых ветвей и открыла его. Древесина хранила в себе прохладу далёких лесов, но привычного лёгкого сияния изнутри не было. Ларчик был пуст. Лишь лунный свет, пробивавшийся в окно, лежал на бархатной подкладке холодным серебряным пятном.

— Дедушка, — тихо позвала она, и голос прозвучал как треск тонкого льда. — Платка нет.

Дед Мороз медленно обернулся от большого календаря, где все дни после декабря были затуманены серой дымкой. Он подошёл, и его огромная, тёплая ладонь легла на крышку ларца рядом с тонкими пальцами внучки. Воздух в горнице стал морозным. Он закрыл глаза, и стало тихо-тихо. Даже пламя в камине застыло в неподвижных язычках. Дед Мороз слушал голоса мира: шепот ещё не спящих ручьёв, ворчанье сбитых с толку медведей, беспокойный пересвист птиц на перепутье. И сквозь эту тревожную симфонию он уловил другой звук — тихий, насмешливый звон, словно от лопнув-

шей на морозе стальной струны. Звук шёл с Чёрных гор.

— Он там, — открыл глаза Дед Мороз. — И платок уже не тот. Его сила корчится в чужом огне. Надо спешить, внучка. Пока зима не обратилась в вечный дым.

Они не стали собираться долго. Снегурочка накинула лёгкую шубку, от которой всё равно веяло холодком, а Дед Мороз взял свой посох, но не резной и праздничный, а простой, из морёного дуба, с обледеневшим набалдашником. Их сани, запряжённые не оленями, а самой тенью от низкой зимней тучи, помчались по ещё тёплой, голой земле. За ними тянулась не снежная дорожка, а хрустальная полоса инея, хрупкая и временная, это единственное что мог теперь создать Дед Мороз.

Дорога к Чёрным горам была безрадостной. Леса стояли оголённые, сбрасывая последние листья с опозданием и неохотой. Встречная сорока, вместо весёлого стрекота, каркнула им хрипло: «Заплачете! Он всё сожжёт!» — и улетела, чёрной кляксой растворившись в сером небе.

Замок Казимира возник перед ними внезапно, как кошмар. Он был похож на осколок ночи, вонзившийся в склон,- черные башни упирались в вечно серое небо, окна не пропускали света. Он не гордо высился, а скорее виснул над обрывом, подпираемый скалами, будто мир пытался стряхнуть его с себя. Железные ворота были закрыты, но не на замок. Они просто смотрели на пришельцев пустыми глазницами кованых прутьев, словно говоря: «Входи. Выхода всё равно

нет».

Снегурочка толкнула створку. Ворота с глухим стоном поддались. Внутри царил мрак. Воздух был неподвижен, везде стоял запах остывшей золы и старой бумаги.

В одной из башен была лаборатория Казимира, напоминавшая скорее склеп где вместо звёзд на потолке горели ядовито-зелёные огни.

Там его и нашли Снегурочка с Дедом Морозом. Волшебник стоял у черного камня, положив на него сверкающий платок, как на ведьминский алтарь. Он зажёг свечи, не отбрасывающие теней, и начал читать заклинание преобразования. Ткань из серебристой становилась пепельно-серой, а по её краям уже бежали рыжие искры, пахнущие гарью.

Услышав шаги, Казимир обернулся.

— Вы опоздали, — сказал он, и его голос был похож на скрип несмазанных механизмов. — Смотрите. Ваша зима. Она становится другой. Становится ничем. Как и всё в этом мире в конце концов.

Казимир ненавидел не просто Новый год, он ненавидел эту наивную веру в то, что с новым числом на календаре можно начать всё с чистого листа. «Глупый миф для слабых душ», — думал он, наблюдая, как по краю платка пробегает ржавая искра. Его цель была грандиознее, чем просто кража. Он хотел доказать всем, и в первую очередь себе, что чудес нет. Что магия зимы — это обман. Что надежда — это лишь болезнь, которую нужно выжечь калёным железом.

Его раздражал розовощёкий Дед Мороз с его навязчивым «хо-хо-хо» и эта вечно улыбающаяся Снегурочка, и особенно её платок. Каждый раз, как она им взмахивала, мир погружался в тишину и холод, и все начинали ждать какого-то чуда. Чудес не бывает, думал Казимир. Бывает только порядок, предсказуемость и вечный покой.

Идея пришла ему, когда первые сосульки попытались появиться на его карнизе, а он их моментально испарил. Он украл платок не просто так, его план был точен, как часы. Превратить ткань из инея в уголёк, а потом и в язычок пламени. Пусть её магия обратится в свою противоположность. Пусть от этого платка будет исходить не легкий морозец, а иссушающий жар. Тогда зимы не будет никогда. Дед Мороз и Снегурочка, лишённые своей силы, будут вынуждены уйти. И наступит вечное, скучное, предсказуемое межсезонье — ни тепла, ни холода. Идеально.

- Остановись! — крикнула Снегурочка. — Ты не понимаешь, что делаешь! Зима нужна земле, чтобы отдохнуть, чтобы весна была ещё красивее!"

- Мне не нужна твоя зима! — огрызнулся волшебник. — Я ненавижу ее, ненавижу новогодний шумный праздник, эти глупые улыбки!

- Для чего всё это нужно?!— воскликнул Казимир. Его голос, обычно холодный и ровный, дрогнул и раскатился по каменным стенам башни, как гром. Он смотрел на Снегурочку и в его взгляде было явное призрение.

— Для чего?! — повторил он, оборачиваясь к ним. Его руки сжались в кулаки.

— Этот бесконечный круговорот? Эта... эта иллюзия? Накрыть грязь чистым снегом, чтобы через три месяца она снова проступила? Заставлять детей ждать какого-то старика с мешком, который всё равно принесёт не ту куклу и не ту машинку? Заставлять взрослых целый год копить разочарования, а потом в одну ночь кричать «ура» и делать вид, что всё изменится? Это же бессмыслица! Грандиозный, всеобщий самообман!

Он сделал шаг к Снегурочке, и его глаза горели мрачным огнём давней правды, которую он нёс в себе как каторжник — тяжёлый и единственно верный груз.

— Я украл платок не потому, что ненавижу снег! Я украл его, чтобы доказать! Что без этой... этой ежегодной сказки ничего не изменится! Мир не рухнет! Просто не будет этого дурацкого напряжения, этой обязательной радости по календарю! Будет тихо. Будет честно. Будет — как есть. Без надежды, которая всегда обманывает.

В башне воцарилась тишина, нарушаемая лишь завыванием бесснежной вьюги за окном. Казалось, сам воздух замер, ожидая ответа.

Дед Мороз молчал. Он смотрел на волшебника не как на врага, а как на очень уставшего путника, заблудившегося в метель собственных мыслей.

Ответила Снегурочка. Она подошла ближе и в ее глазах

не было ни страха, ни желания спорить.

— Ты прав, Казимир, — сказала она так тихо, что ему пришлось вслушиваться. — Снег растает. Игрушка может сломаться. Надежда иногда обманывает. А взрослые часто кричат «ура», потому что «так надо».

Она сделала паузу, давая словам просочиться сквозь его гнев.

— Но ты спрашиваешь «для чего». Не для того, чтобы спрятать грязь. А для того, чтобы дать земле отдохнуть. Чтобы семя, укрытое под сугробом, поняло: сейчас можно не бороться. Можно просто ждать своего часа. Это — для покоя.

Голос Снегурочки становился все уверенней.

— Не для того, чтобы получить идеальный подарок. А для того, чтобы верить, что чудо возможно. Даже если в этом году оно не случилось. Эта вера, как лучик, греет сильнее любой печки. Это — для веры.

Её аргументы боролись с мрачными мыслями волшебника.

— И не для того, чтобы кричать «ура» по обязанности. А для того, чтобы в этой всеобщей тишине под бой курантов услышать биение своего сердца. И понять, что я жив. И этот год был. И будет следующий. Это — для жизни.

Казимир стоял, опустив голову. Его гнев, такой яркий и жгучий минуту назад, потух, оставив после себя горькую, щемящую пустоту. В ней отозвалось эхо её слов. Покой. Вера. Возможность. Не громкие слова о вечном счастье, а ти-

хие, простые, как падающий снег.

— Но боль... — выдохнул он уже без прежней силы. — Она не уходит от снега или боя курантов.

— А кто сказал, что должна? — мягко спросил Дед Мороз, впервые нарушив молчание. Его голос звучал как скрип вековых льдов, мудрый и спокойный.

— Боль — это часть пути. Как и холод. Задача зимы — не убить её, а дать ей замолчать на время. Укутать её, как укутывает поля, дать ей уснуть. А когда она спит — становится тише. И с ней уже можно жить. Я тоже иногда устаю от этого круговорота. Но без него мир осиротеет.

Он подошёл, и его большая рука легла на плечо Казимира не как властная длань, а как тяжесть понимания.

— Вот для чего «всё это», сынок. Не для вечного праздника. Для передышки. Для маленького чуда среди большого несовершенства. Для того, чтобы в самый тёмный и холодный вечер зажечь хоть одну свечку и знать — её свет виден издалека.

Снегурочка подошла ближе. «Давай сделаем по-другому. Не уничтожай платок. Давай я покажу тебе, каким может быть Новый год — с тихим снегом, с искренними улыбками, с теплом, которое рождается не от огня, а от сердца».

Казимир заколебался. Он посмотрел на платок, который уже начал тлеть, но ещё хранил в себе силу снежинок.

«Возьми», — хотел сказать он. Но горло не слушалось, сжатое ледяным обручем.

Первая мысль была привычной, острой: «Не отдавай. Это трофей. Доказательство того, что ты сильнее их сказки. Сожги его дотла — и все увидят правду. Правду пепла». Пальцы инстинктивно сжались, пытаясь вцепиться в ткань, которая вот-вот должна была стать его величайшим аргументом. Но аргумент — против кого? Против этой девушки с глазами, как зимние озера, в которых сейчас плескалась не злоба, а какая-то невыносимая… жалость?

Волна горечи окатила его: «Они победили. Не силой, а этой своей тихой уверенностью. Они заставили тебя усомниться. А усомниться — значит проиграть». Ему захотелось швырнуть платок к её ногам, не как возвращение, а как акт презрения. «Нате, вашу детскую веру! Подавитесь ею!» Но жест не рождался. Ибо в её взгляде не было победителя. Было ожидание. Не требующее, а… предлагающее. Как будто она ждала не предмет, а его самого.

Его рука дрогнула. Пепельная ткань скользнула на край ладони. Ещё мгновение — и она упадет, рассыплется, и будет уже нечего возвращать. Будет только точка невозврата.

И Казимир понял, что боится не их магии, а того, что будет после. После окончательной победы пустоты. Он так долго жил в своей чёрной башне, дышал пеплом и называл это правдой, что сама мысль о другом воздухе — холодном, колючем, чистым — вызывала панический спазм.

Он посмотрел на Снегурочку. На её протянутую, но не настойчивую руку. На деда, который молча наблюдал, и в его

взгляде не было торжества, а было усталое понимание, как у того, кто видел много таких замёрзших душ.

Он протянул платок Снегурочке. Движение его руки было медленным, будто каждый сантиметр давался с преодолением невидимой силы. Он не смотрел на неё, его взгляд был прикован к ткани, лежавшей на его ладони. Она уже не тлела багровым огнём бессмысленности. Но и не сияла. Она была серой, безжизненной, как пепел после костра, в котором сгорели последние иллюзии. Казалось, даже сама материя забыла, как быть снегом.

- Возьми, — прошептал он, и его голос был пустым, как эхо в ледяной пещере. — Я... я не смог. Не смог доказать даже этого. Что пустота может быть прочнее.

- Ты не смог уничтожить зиму, Казимир, — сказала она так же тихо. — Ты лишь... дал ей почувствовать свою боль. И она отозвалась.

И только тогда она бережно, как берут новорождённого птенца, приняла платок из его рук. В её пальцах серая ткань казалась мёртвым листком. Она прижала её к груди, туда, где под ледяной коркой билось живое, сострадающее сердце. Закрыла глаза и заплакала, но не от горя, а от понимания. Её слёзы были не жгучими, а ледяными. Они стекали по её щекам и падали на безжизненную ткань. И там, где каждая слезинка касалась пепла, происходило чудо не громкое, а тихое, как раскрытие почки. Пепел не исчезал. Он становился основой. Он темнел, превращался в плодородную, чёрную землю

воспоминаний — и из него, будто первый росток сквозь вечную мерзлоту, пробивалась тончайшая нить чистого, сияющего инея. Затем ещё одна. И ещё. Платок оживал на глазах. Не мгновенно, а неспешно, как приходит рассвет после самой долгой полярной ночи. Серое отступало, уступая место сложной паутине сверкающих кристаллов. Он снова стал холодным на ощупь, лёгким и бесконечно глубоким, как зимнее небо.

Снегурочка открыла глаза, в них отражалось возрождённое сияние. Она развернула платок, и он затрепетал, словно крылья гигантской, снежной птицы. Она подошла к широкому, запылённому окну башни и распахнула его настежь. Ворвался свежий ветер, пахнущий обещанием. И она встряхнула платок. Не резко, не вызывающе. Словно стряхивала с него остатки пепла и тяжёлые мысли. Словно освобождала.

Снег пошёл не сразу. Сначала из платка выпорхнуло несколько одиноких снежинок. Они покружились в неподвижном воздухе башни, сели на плечо Казимиру, на посох Деда Мороза. Потом их стало больше. Они полились из окна в чёрную бездну ночи, и там, внизу, начал рождаться свет — отражённый, призрачный, лунный. Снег падал густо, беззвучно, с невероятным, всепоглощающим милосердием. Он не скрывал мир — он дарил ему новый облик. Мягкий. Цельный. Молчаливый.

Казимир стоял у окна и смотрел. Он видел, как знакомый ему уродливый ландшафт скал и ущелий превращался

в незнакомую, прекрасную страну белых дюн и серебряных мостов. И в его собственном сердце, в той самой «чёрной земле воспоминаний», куда упали её ледяные слёзы, что-то дрогнуло. Не радость. Не счастье. Но... облегчение.

Казимир молчал. Он смотрел, как снег заметает следы у подножия его замка. И впервые за много лет его не раздражала эта «иллюзия». Он видел в ней... правду. Более глубокую, чем все его мрачные доказательства. Правду покоя.

— Поедем, — просто сказал Дед Мороз, уже разворачиваясь к выходу. — Пока ты тут размышлял, у меня целый воз подарков для тех, кто всё ещё верит в чудеса. Поможешь разгрузить?

И он кивнул. Не потому что поверил в сказку. А потому что устал не верить.

Дед Мороз уже садился в сани, которые теперь казались естественной частью пейзажа, а не магическим вторжением. Он что-то проверял в большом списке, ворча себе под нос: «…шишками пахнет, значит, Ваня из третьего подъезда снова просит набор художника…»

Снегурочка, свернув платок, бережно уложила его в складки своего наряда. Она обернулась к Казимиру и сказала, — Встретим Новый год в кругу друзей.

Она протянула ему руку. Казимир медленно, будто пробуя лёд на прочность, шагнул с каменного порога в сугроб. Снег хрустнул под его сапогом, приняв его тяжесть. Он сделал ещё шаг, и ещё. Подошёл к саням и, не глядя на Деда Мороза,

взялся за холодное дерево облучка.

— Держись крепче, философ, — только и сказал Дед Мороз, щёлкнув вожжой. — Полетим не спеша. Чтобы ты успел рассмотреть.

И они понеслись. Не с бешеной скоростью, а плавно, как плывут облака. Снег продолжал падать, и под его пеленой мир заиграл новыми красками: тёмные силуэты спящих лесов становились сизыми, огни далёких домов — размытыми, тёплыми звёздами, даже воздух стал густым и сладким от мороза.

Казимир видел, как в одном окне маленькая девочка, прилипшая носом к стеклу, вдруг заулыбалась и замахала рукой прямо в метель. Как старик на крыльце остановился, задрал голову, поймал снежинку на рукав и долго рассматривал её узор, будто читая послание. Как две собаки радостно носились по свежему насту, оставляя хаотичные, счастливые следы.

Это была не «обязательная радость». Это было искреннее удивление перед чудом, которое, оказывается, всё ещё возможно. И в этом удивлении не было лжи.

— Для чего? — снова спросил он, но теперь уже не с вызовом, а с тихим изумлением, обращаясь больше к самому себе, чем к спутникам. — Чтобы увидеть, как девочка улыбается снегу?

— Чтобы дать ей повод улыбнуться, — отозвалась Снегурочка с заднего сиденья. — И чтобы у старика было что

рассмотреть. И чтобы у собак был новый, мягкий ковёр для игры. Для каждого — своё «для чего». А вместе — чтобы мир не застыл в одном состоянии. Чтобы у него был вдох и выдох. Лето и зима. Шум и тишина.

Сани мягко приземлились на опушке леса, уже похожего на хрустальный дворец. Дед Мороз начал что-то выгружать. Казимир, не спрашивая, подошёл и взял самый тяжёлый тюк. Мешок пах мандаринами, ёлочной хвоей и чем-то неопределённо радостным — ожиданием.

Казимир не стал добрым. Не стал веселым. Глубокая морщина между бровей никуда не делась. Но в его движениях появилась некая цель, проще и чище, чем все его прежние великие замыслы. Цель — просто помочь. Просто быть частью этого огромного, тихого, снежного процесса обновления.

А снег шёл всё сильней. Он заметал последние следы старой, истерзанной сомнениями дороги. Он укрывал собой всё — и былые обиды, и холодные камни, и надежды, которые, может быть, на этот раз не обманут. Он менял мир, делая его проще, яснее и бесконечно более милосердным.

Казимир, бывший злой волшебник, нёс мешок с подарками по свежевыпавшему снегу, слушая, как тот скрипит под ногами. Впервые за долгие-долгие годы в его сердце не было бури. Была только тишина после снегопада. И этого, как он с удивлением обнаружил, было достаточно.

Он и волшебный платок Снегурочки теперь иногда встря-

хивает сам, помогая зиме приходить вовремя — ведь даже тому, кто когда-то ненавидел праздник, иногда хочется, чтобы мир оказался под волшебным снежным покрывалом.

Снежная пряжа

В одном маленьком городке, где зимы были такими длинными, что даже время, казалось, засыпало под снегом, жила

девочка по имени Настенька. У неё был удивительный дар, она умела видеть музыку. Для неё падающий снег звучал как колыбельная, скрип полозьев, как весёлая полька, а завывание вьюги, как грустный вальс.

Однажды в канун самого холодного праздника в году Настенька заметила на окне странный узор. Мороз нарисовал не привычные цветы и листья, а тонкую, изящную прялку. Девочка коснулась стекла, и в тот же миг ледяной узор рассыпался на тысячи сверкающих пылинок, которые закружились вокруг неё и превратились в клубок серебряной пряжи.

Клубок покатился к двери и выскользнул на улицу. Настенька, накинув тёплый платок, побежала за ним. Клубок катился по заснеженным улицам, мимо спящих домов, через площадь с ледяной горкой, пока не привёл девочку к старой, заброшенной мастерской. Дверь была приоткрыта, и оттуда лился мягкий голубоватый свет.

Внутри мастерской сидела старушка. Её волосы были белы, как первый снег, а глаза прозрачны, как лёд. Она пряла, но вместо овечьей шерсти в её руках струился тот самый серебряный свет, который Настенька видела на окне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.